

МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУСОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Я. КОЛАСА 1930-х гг.

Менталитет как склад ума отдельной личности или определенной нации представляет собой сложное образование и вызывает интерес у исследователей различных областей наук. Творчество классика белорусской литературы Якуба Коласа являет собой богатый материал для изысканий в данном направлении. В поле нашего зрения попадают произведения 30-х годов XX столетия, созданные свидетелем-очевидцем происходящего: повесть «Адшчапенец», лиро-эпическая поэма «Сымон-музыка», рассказ ««Хатка над балотцам». На материале этих произведений предоставляется возможность постижения группового сознания белорусов и сознания

индивидуального, сознания личности, музыкально одаренной от природы. Произведения эти социально направлены и в целом отражают намерения художника слова запечатлеть жизнь белорусской деревни.

Актуальность обращения к произведениям Я. Коласа определяется тем, что социологи констатируют: последние два столетия менталитет белорусов подвергся деформации, исследования в этой области свидетельствуют о *невероятной мешанине в головах людей* [1, с. 510]. В художественном мире героев колосовских произведений первой трети XX века также не все просто. Обсервация на глубинном уровне коллективного и индивидуального сознания героев позволяет проследить за особенностями менталитета белорусов, рассматривать его как культурный код жизни человека.

В художественном мире для читателя есть вероятность познать образ мыслей белорусского человека на переломе истории. Кроме этого, проследить, как социум влияет на жизнедеятельность человека, формирует его душевно-духовную жизнь. Произведения представляют интерес и как модель мира, и как рефлексия авторского сознания на действительность. В центре их – человек на фоне общественных отношений, его микромир. Художественные творения словесного искусства порождают в сознании реципиента чувственно-наглядный образ действительности, а в этой действительности – образ души белоруса.

Повесть «Адшчапенец» (1931) создавалась в период бурных процессов коллективизации крестьянского хозяйства в Белоруссии. Как определил идею повести сам автор, в ней пашло отражение «*Перапарбленне псіхікі селяніна-індывідуаліста ў працэсе калгаснага будаўніцтва*» [2, с. 65].

Душевно-духовная жизнь белорусов раскрывается в повести «Адшчапенец» через главные, второстепенные и эпизодические персонажи. Герои произведения разделяются на *розныя катэгорыі*, каждая из них характеризуется набором ценностей, а в совокупности названные категории являют собой разнообразную картину образа мышления белорусов. В художественном мире произведения сталкиваются сторонники *ліквідацыі дробных гаспадарак*, с одной стороны, с врагами новой жизни – с другой; есть еще колеблющиеся, сомневающиеся, *кулацкія надпявалы* и *адступнікі*.

В собирательном образе народа «вычитывается» ментальность коллектива, а скорее всего, неорганизованной толпы. Социальная группа – народ – колхоз воспринимает не сразу, однако большинство достаточно легко *апынуліся на другі бок мяжы* [4, с. 110.], т.е. в колхозе. Но, вступив в колхоз, основная масса крестьян безоговорочно не изменила

своим привычкам. Так, в главе тридцать второй автор рассказывает о том, что люди в тайне осознали свои грехи и вину перед колхозом и думали, *як гэтыя грахі абярнуць у святасць* [4, с. 187]. Некоторые жители деревни приспособляются к новой жизни: Левон Маринич, например, *зарезал япрука*, чтобы не отдать скотину в колхоз; Кондрат Казей к работе не ловкий, но на язык скор, *работнік з яго хоць і не важны, а адміністратар можа быць добры* [4, с. 100]. Тимох Бабура, человек батрацкого рода, с раздвоенным сознанием, зажиточный хозяин, *хітры чалавек і тонкі палітык* [4, с. 145], совершив ошибку, всеми силами старается завоевать доверие колхозников: дарит колхозу машину — *жыгярку*. Коллективное сознание (включая бессознательное) отражает объективную и противоречивую картину смятения в умах колхозников в период принятия кардинальных шагов в своей жизни.

Оппозиционной парой враг/отступник в повести являются Прокоп Дубяга и Игнат Чикилевич. Прокоп открыто не принимает обобществление. Чикилевич — скрытый враг-единоличник. Для обоих героев значимой ценностью является личная свобода и ранее сложившаяся в сознании форма хозяйствования. Каждый из них трудолюбив, руководим чувством любви к своей семье и желанием стабильности и благополучия жизни и, что особенно важно, нежеланием перемен. Каждый стремится найти свое «место под солнцем». В ментальности обоих героев выявляются как индивидуальные черты белорусов, так и типичные особенности.

Игнат Чикилевич — кулак, *абаротлівы, кемлівы чалавек, спрытны гаспадар, жыве на водшыбе, індывідуальна абложаны* [4, с. 98]; предусмотрительный, *раней за ўсіх адчуў подыхі небяспекі... яшчэ з восені выкапаў ён патайны паграбок у сваёй клуні* [4, с. 153]; изворотливый, мстительный (*увесь тросся ад злосці і думаў, як папомсціцца*). Его действия направлены на развал колхоза, *ціхае шкодніцтва кіравала яго мыслямі і ўчынкамі* [4, с. 153]. Предусмотрительный, он маскируется, входя всякий раз в роль другого человека, на людях старается показать себя *совецкім чалавекам* [4, с. 98]. Унижение и боль пришлось пережить собственнику-единоличнику, обладателю крепкого хозяйства, когда колхозники пришли в его дом, пригнали общественную скотину, захватили двор, постройки и половину дома *і сталі тут гаспадарыць, не папярэджваючы, не сказаўшы ім ні слова* [4, с. 190]. *Месца не знаходзіў сабе*, молчал, *а ў самога гарэла ўсё ад крыўды і злосці* [4, с. 189]. Но ум, умение владеть собой и принять обстоятельства как данность не изменяют Игнату. Поведенческие подробности сцены раскулачивания таковы: *мяняўся ў твары: кіўнуў галавой у знак згоды; закалыхаўся сухім, дзеравыным смехам*. А сознание его в это время напряженно работает: *ён думае, камбінуе розныя праекты* [4, с. 196], чтобы выжить.

Прокоп Дубяга, главный герой повести, – безграмотный крестьянин-середняк, *сталы, працавіты, руплівы гаспадар* [4, с. 152], человек твердых жизненных принципов, серьезный и вдумчивый. В его фамилии корневая морфема «дуб» говорит сама за себя. Мучительно переживая коллективизацию, Прокоп *проста выказаў свой пратэст, абурэнне і крыўду, ушэў ў прачкі* [4, с. 113], *сам сябе выгнаў з сваё хаты, адіччэнец я, бадзяга* [4, с. 152]. *Адіччэнец* – «человек, отколовшийся от своей общественной среды». Характеризуя национальный менталитет белорусов, А.А. Мельников называет *трудолюбие, стремление к собственному клочку земли, бережное, любовное отношение к ней как наиболее выразительные черты* [1, с. 47]. Скорее всего, Прокоп был одержим такими чувствами, когда твердо решил *не скарыцца перад чужою воляю!* [4, с. 113] Другая, не менее важная сторона ментальности: белорусы *не склонны к радикальным изменениям в своей социальной жизни, им свойственно развитие эволюционно, без скачков* [4, с. 45]. Именно поэтому, не найдя поддержки ни у жены, ни у сына, имея свои мысли о колхозе, свое разумение, Прокоп решается на самоизгнание. Для Прокопа высочайшей ценностью является моральная свобода. Вместе с тем эта свобода – условие проявления его моральности, это та точка отсчета, которая в конце повествования возвращает героя в родной дом, ставит перед необходимостью принять объективную действительность. Но до этого целых шесть недель Прокопу пришлось вести бродяжнический образ жизни, есть нищенский и батрацкий хлеб все потому, что *ён меркаваў замацавацца ў жыцці на сваіх старых поглядах і на старым грунце* [4, с. 115]. В поисках истины герой решается на хитрость: выдать себя за делегата, чтобы погрузиться в гущу колхозной жизни. В его *закарузлым розуме* [4, с. 115] постоянно осуществлялась умственная работа, оценивание достоинств колхоза «Хвала рэвалюцыі»; он внимательно вглядывался в колхозную жизнь, а по ночам *пытанні балюча і востра ўставалі ў Пракопавай галаве, ён думаў над тым, як знайсці праўдзівы адказ* [4, с. 132].

Сознание автора-творца, несомненно, наличествует в изображаемом им мире, являясь сложной контаминацией мыслей и поступков героев произведений. Автор – человек всесторонне образованный, художественно одаренный, патриот. В художественном времяпространстве он выявляет себя в описаниях природы, в языке произведений. Формой присутствия автора в произведениях является их заглавие. Отщепенец – это не только Прокоп Дубяга, но и сам Колас, взгляды которого в 30-е годы официально ориентированная критика воспринимала негативно, как проявление «*пазакласавага падыходу да грамадска-палітычных*

з'яў і да іх адлюстравання» [5, с. 168]. В поэме «Сымон-музыка» герой неоднократно называется *песняром*, что в полной мере соответствует имени нарицательному, которым одарил белорусский народ Я. Коласа.

Поэма «Сымон-музыка» представляет собой раздумья поэта об исторической судьбе белорусского народа, о судьбе народного творчества. Над поэмой Колас работал продолжительное время (с 1911 по 1925 г.) и предстал в ней перед читателями как «пясняр жыццёвай праўды» [3, с. 269].

В словесно-художественном произведении автор-творец выступает демиургом, отражая не только путь становления и формирования гения, но и его духовно-душевную жизнь, восприятие и отражение музыкантом действительности. С первых строк поэмы, уже в эпиграфе, лейтмотивом начинает звучать тема «музыканта и музыки» (читай: «поэта и поэзии»), т.е. тема предназначения таланта, его судьбы. Проявляя заботу о будущем молодежи, Колас отображает историю становления талантливого музыканта-самоучки Сымона. В образе Сымона поэт обобщенно выразил свой взгляд на культуру, на образование.

В судьбе героя находит отражение путь духовного становления личности, который представлен несколькими этапами. Детство – период формирования чувственно-эмоциональной сферы. Биография Сымона открывается для читателя с первых строк поэмы в аллегорическом ключе, в песне о листе на ветке липы: *ён пахілы, / ён нямілы, тым нялюбы, што адметны* [5, с. 293]. Используя прием параллелизма (совмещая в одном лице точку зрения отца, матери, автора, самого Сымона и др.), в экспозиции герой обрисовывается как *няўклуда, мухамора, дурубала, даўбня*. Совершенно иную картину представляет жизнь души мальчика: с раннего детства мир вокруг него наполнен тихим смехом, песней, звоном, *ласкаючым павевам, радасным парывам*. Колас сразу называет признаки музыкальности: способность «омузыкальнення» восприятия и видения мира, когда все впечатления от окружающей действительности у человека имеют тенденцию к переживаниям в форме музыкальных образов. Сымон стремится переводить каждое жизненное явление на язык музыки. В нем живет огромная заинтересованность во всем, что происходит в окружающем мире, в результате чего рождаются необычные вопросы. Например, *Чаго, мама, стогне звон? Як далёка тое сонца ад зямлі? Хіба ж краскі не спяваюць? Куды-та хмаркі... ідуць, як дым? Дзе зляглі нябес вяніцы? Ці чуе зямля боль?*

Сымон – личность особенная, особенная не только потому, что он молод, полон чувств и талантлив. Самое главное – Сымон художник. А это означает, во-первых, весь мир вокруг себя он воспринимает эмоци-

онально. Эмоциональная отзывчивость позволяет наделять музыкальными звуками природу, быт и труд людей. Автор повествует, что сам Сымон *спяваў, званіў, як звон; ему слышится незвычайны звон стары; спевы... звiняць вакол яго; мальчик не можа даць назвы, што чуваць у тых званах. Вселенная захопіць дух блазоце; а в ответ адгукнуцца, загаманяць/ Струны ўсе яго душы,/ сэрца ў хлопчыка заб'ецца.../ І сама душа, здаецца,/ Услед звону паляціць; тонко чувствующий, он чуў душою,/ Сэрцам чуткім і жывым; ловіць сэрцам спеў прыгожы и т.д. Все внимание нарратора сосредоточено на внутреннем мире героя, на состоянии не по-детски чувствующей души. А душа эта, как локатор, вбирает в себя богатую симфонию жизни. Музыка дудароў потрясла мальчика так, что Пад сабой не чуў зямлі... струны сэрца ў ім дрыжэлі... дух як-бы кудысь зляцеў [6, с. 303].*

Во-вторых, внешние впечатления, вызывая в Сымоне чувства, будят его фантазию и побуждают творить свою музыку. В героя шаг за шагом развиваются и совершенствуются чувственно-эмоциональная сфера, поведение, им приобретаются духовные умения и навыки, которые рассматриваются как последующий этап в духовном росте личности. Сымон стремится выразить свое существование на языке невербальной коммуникации. Своеобразно срабатывает философский закон: количество впечатлений, полученных творчески богатым человеком, переходит в качество. Сын лесу і дарог, поля сын, сын торбы і зямлі, вандроўнік, жабрак, чужак між сваімі, выгнаннік играет на своей скрыпулі "казака", "каваля", "кадрылі". Но интуитивно ощущая несовершенство мира, он больше любит мелодии на лад маркотны. Каждый художник, и Сымон в том числе, выражает мироощущение людей своей эпохи. *Вольным быць хачу, як птушка»* – желает Сымон и своей музыкой *гоіць раны*, вызывает в душе *радасць, смутак, слязу* [6, с. 352], очарование, наполняет слушателя *ціхай радасцю* [6, с. 338]. Звуки музыки становятся осязаемы: *струны звон чароўны льецца, звуки папіліся, пацяклі*. Играет Сымон до самозабвения: *ён забыўся, ён не тут* [6, с. 418].

В-третьих, в душе маленького музыканта живет не только огромное стремление познать ранес псевдомое ему, но и желание читать книги, изучать нотную грамоту, чтобы играть по нотам. Сымон понимает, что *Справа добрая – навука./Славу, хлеб яна дае...* [6, с. 451]. Музыкант хочет *мудрасць кніжную пазнаць*. В поисках своей жизненной дороги Сымону пришлось пережить трагические и радостные минуты. На подсознательном уровне герой начинает понимать, что *пань* унижают его человеческое достоинство. У него появляются мысли о социальном неравенстве, несправедливости. Эти мысли прошли через сердце

Сымона, разбивая его мечты и надежды на лучшую жизнь. Как новый уровень духовности – устремленность в будущее, совершенствование своих способностей. В герое изменяется мировоззрение, формируются твердые убеждения и идеалы. Любовь к Ганне спасает его. По воле автора Симон становится средством выявления не только богатого внутреннего мира героя-музыканта, но и символом духовного величия народа, силы и мощи народного творчества.

В рассказе «Хатка над балотцам» находит отражение ментальность хозяина; «*гаспадар*» репрезентуется в характеристике ряда героев, в их взаимодействии. Характеристика одних героев, например пана Зыгмуса, пани Дамицэли, хозяйки *хаткі* Алены, дается довольно детально; образы-персонажи железнодорожника, повара, дачников, Жарстака и другие создаются лишь отдельными штрихами. Действие повествования разворачивается в историческом времени и представляет пространство белорусской глубинки после Октябрьской революции (рассказ написан в 1927 г.). Перед читателем – «маленькие люди», которые в поисках личного счастья затерялись на просторах жизни. Владелицей незavidной *хаткі*, которая окружена землей в шесть десятин, включая болотце, и похожа на одинокую обиженную женщину, является Алена. Известно, что она городская жительница, училась когда-то в гимназии. Овдовев, не выдержав одиночества, присутствия незваных *падсуседнікаў*, она распродает скотину, выходит замуж в *саўгас*, а главное – продает хатку, оставляя при этом за собой право распоряжаться землей. Хозяйка то уезжает, то возвращается к земле, в единичном порыве хочет *зііцца, урасці ў яе* [7, с. 369], но с сожалением понимает, что *адарвалася ад сваёй зямлі* [7, с. 359]. Новоявленные хозяева *хаткі*, сменяя друг друга, так и не становятся настоящими *гаспадарамі*. Каждый герой, претендующий на роль *гаспадара*, потенциально мог бы соответствовать хотя бы одной словарной статье слова «хозяин». Но ни один из них так и не проявил себя как человек хозяйственный: хатка от первого до последнего эпизода рассказа стоит на ветру *панурая*, смотрит *журботна-журботна*. И *гаспадарыць* в ней *адзін толькі неспакойны вецер* [7, с. 371].

Однако слово «гаспадар» пронизывает художественный мир произведения. Каждый герой основой дома и семьи видит, прежде всего, землю. В портрете пана Зыгмуса автор опирается на физиологическое подобие его с *маткай*, окружающие отказывают ему в сходстве с человеком. Портной по профессии, он какое-то время мог бы «вести хозяйственные дела» вдовы. Дополнением ему является жена, пани Дамицэля, – женщина с больными ногами, с *каўтуном на галаве*. Они *зусім не паны*, а беженцы из Польши, бездомные скитальцы, ищущие место, где мож-

но укрыться от невзгод и лишений. Автор рассказывает, как супружеская чета постепенно прибирает к своим рукам Аленыны владения. И уже спустя три года он, як маленькі павучок, имел свою рзідэнцыю – прыгрэбнік, был гаспадаром над калодзежам, гаспадаром над балотцам, а позднее захватил власть и над безвольной Аленой.

Тем не менее, хозяином пан Зыгмусь так и не стал: хозяйство он ведет неумело, работает на земле то с энтузиазмом, то теряет к ней всякий интерес; для того чтобы узаконить право на землю, обнаруживает готовность к супружеской измене. Но надо признать, что пан Зыгмусь проявляет способность хозяйничать в чужом доме, т.е. «распоряжаться по своему усмотрению чем-нибудь». Пани Дамицэля гаспадыня лишь в своих планах и безграничных фантазиях, что со стороны вызывает справедливую критику: «вярзе ігрушу на вярбе». Отступив от своего гаспадарскага права, Алена обрекла землю на безхозность. Железнодорожник перепродает хатку другому хозяину, человеку с сильным и характером и фигурой по фамилии Жарстак, отцу семерых сыновей, который предпринимает ряд бесполезных шагов по закреплению права на землю. На землю претендуют также и другие персонажи рассказа. Любовная парочка хочет купить землю (немолодой, глуховатый на одно ухо Максим и жившая а деревне на правах батрачки Прузына Кублик). Прузына мечтает: *Вось, каб нам гэту зямлю!* Самой бедной и эпизодической в повествовании героине хочется дома, хозяина и мужа, *хочацца свайго хоць маленькага шчасця* [7, с. 364]. Крестьяне Захар Кудревич и Степан Турлан подают заявление на Аленину землю. Последний жених Алены, Самусь, тоже непрочь заполучить ее. Автор не без иронии сообщает, что *на гэтую зямлю маюць вока і сяляне суседняй вёсачкі*, коллектив хочет прибрать ее к своим рукам. А земля тем временем *нішчыцца і пусцее* [7, с. 368].

В словесно-предметной структуре художественного изображения ключевым является образ-символ – подкова, по народным приметам приносящая счастье и удачу. Этот образ размыкает и завершает сюжет. В повествовании не подтверждают истинности народного поверья ни ласточки над окном, ни голодная кошка, ни мыши, ни дачники, ни супруги из Польши, ни хозяйка хатки, ни автор. Рассказ пронизан авторской иронией. Колас не видит в реальной жизни прототипа хозяина, полновластного и рачительного, который бы имел полноценную семью, крепкое хозяйство и был бы в нем распорядителем. «Маленькие люди» не находят своего счастья и не хотят в рамках имеющихся у них возможностей сделать друг друга счастливыми – такова еще одна черта ментальности белорусов. Одной из причин происходящего автор называет «*скасаванне ўласнасці*» [7, с. 349]. И как хозяин повествования Колас выражает со-

жаление. Гармония жизни – в красоте природы и родного уголка земли, в надежде и мечтах о счастье. В поэме «Новая зямля» (1911–1923) Колас отразил менталитет безземельного крестьянина, который хочет купить кусок земли и быть на ней хозяином, – это одна из граней ментальности белоруса. Другая – представлена в рассказе «Хатка над балотцам», герои которого землю в наличии имеют, земля же хозяина так и не обретает.

Обобщая, следует сказать, что ментальность *«асобнай»* личности, воплощением которой является музыкант Сымон, определяется внутренней потребностью личности стать тем, кем задумала его природа. В условиях социального неравенства подобная индивидуальность не сетует на жизнь, не падает духом ни при каких обстоятельствах. Человек-художник понимает жизнь природы, ее язык, черпает в природе вдохновение. В герое Сымоне таятся духовные силы и неисчерпаемый творческий потенциал, он умеет в земном увидеть божественное, услышать в природе музыку и исполнить ее на музыкальном инструменте.

Коллективная ментальность белорусов советской эпохи (периода 1917–1931 гг.) отразилась в художественной реальности повести «Адшчапенец». Ментальность переходного периода неоднородна, пестра и разнообразна. Она представляет собой сложное образование. С одной стороны, любовь к земле, дому, труду; с другой – конформизм, приспособленчество, инертность, нежелание радикальных преобразований. Отсюда некоторая апатичность, непреклонность перед чужой волей и одновременно склонность к анализу, желание проверить всякую теорию на собственном опыте. Долг и совесть, уступчивость, доброта, дружелюбие, с одной стороны, с другой – стереотип белоруса «быть как все». А всякий человек, не следующий этому стереотипу, – *адшчапенец*.

В ментальности белоруса слились сознательное и бессознательное, природный душевный склад и приобретенные в ходе развития истории свойства, навыки восприятия мира рассудком и чувствами, душевно-духовная жизнь индивидуальности и коллектива в целом.

Литература

1. Мельников, А.А. Национальный менталитет белорусов / А.А. Мельников. – Мн., 2005.
2. Колас, Я. Збор твораў: у 12 т. / Я. Колас. – Мн., 1964. – Т. 11.
3. Пшырков, Ю.С. Летапісец свайго народа / Ю.С. Пшырков. – Мн., 1982.
4. Колас, Я. Збор твораў: у 7 т. / Я. Колас. – Мн., 1952. – Т. 6.
5. Мушынскі, М. «На шляхах волі» – вершаваны раман Якуба Коласа / М. Мушынскі // Полымя. – 2007. – № 8.
6. Колас, Я. Збор твораў: у 7 т. / Я. Колас. – Мн., 1952. – Т. 4.
7. Колас, Я. Збор твораў: у 7 т. / Я. Колас. – Мн., 1952. – Т. 3.